На пути к главному

О прозе Светланы Макаровой-Гриценко

Виктория ЛЕБЕДИНСКАЯ

Материалом для написания данной статьи стали рассказы Светланы Макаровой-Гриценко, включенные в сборник «Навигатор», вышедший в Краснодаре в 2018 году, в котором представлены ее рассказы, повести и публицистика.

Название книги символично для всего творчества Светланы Николаевны. Навигатор – это то, что есть у каждого ее героя, но одних он выводит на правильную дорогу, а другие оказываются после долгих лет поисков в жизненном тупике. У каждого есть свой навигатор, поэтому во власти человека изменить направление, конечно, если он понял, что курс на навигаторе взят не тот.

В рассказе «Навигатор» главный персонаж Анатолий Иванович Серегин изменил направление на своем навигаторе сразу после окончания строительного факультета и работы на профильной кафедре: родственные связи помогли ему занять в областном министерстве

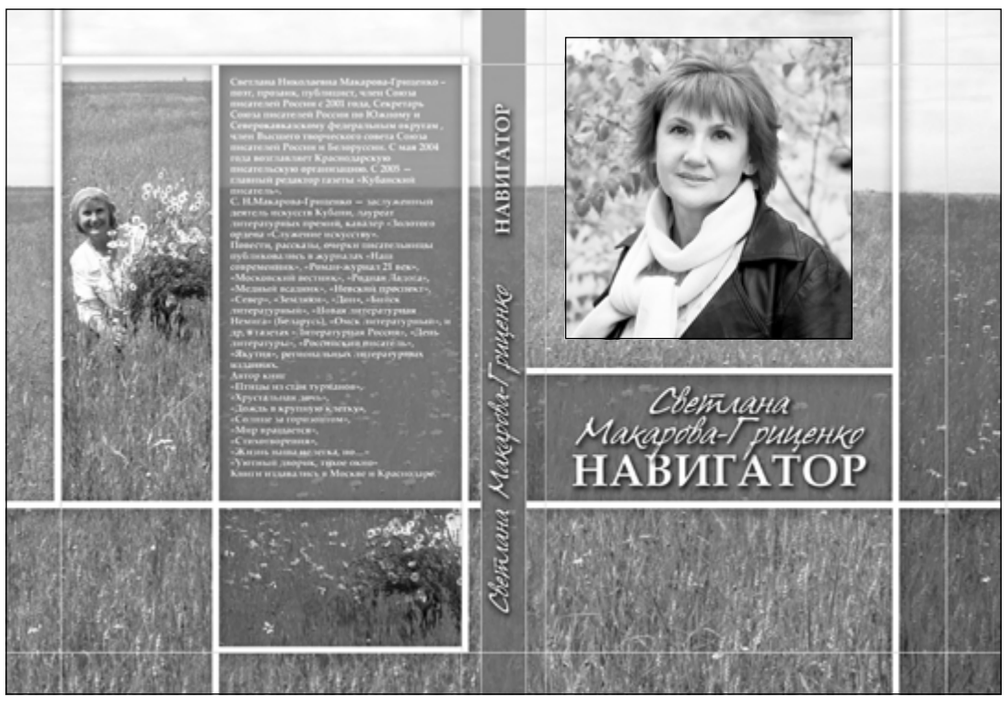
высокую должность. А дальше, имея то, что есть у многих людей, – сообразительность и артистичность, – его навигатор повел по «правильному» (как казалось ему) пути и привел к должности министра по культуре в области. И вот, кажется, все, что должно быть у такого человека, у него в жизни есть: статусная должность, двухэтажный дом рядом с министерством, дорогая машина, дача на курорте, даже старую жену поменял на новую, молодую. Все по статусу, все так, как должно быть у «успешного» человека, занимающего высокую должность в наше время.

У Светланы Макаровой-Гриценко очень яркие, выразительные сравнения-символы. Анатолия Ивановича на том этапе жизни, когда надо было по статусу поменять старую жену (он отстранился также и от воспитания сына) на новую, молодую, писатель сравнивает с орлом, который с кровью, с одержимой решимостью, без сожаления сдирает у себя те когти, которые неспособны уже захватывать добычу, и ставшее тяжелым оперение на груди и крыльях: «Подобно орлу, достигшему сорокалетнего возраста, почувствовал Серегин на пятом десятке, что нужно спасать себя. Орел, согласно легенде, долбит чересчур изогнутым клювом о скалу, потом безжалостно сдирает с себя длинные и гибкие когти, неспособные захватить добычу. А когда когти отрастут, орел вырывает ими тяжелое оперение на груди и крыльях, мешающее летать, и через пять месяцев возрождается к новой жизни!».

Символично, что жизнь с молодой женой началась с обмана: парижанка русского происхождения оказалась Женей из Казани. Но все ведь логично: «навигатор» у него сбился еще тогда, когда строитель стал замом по культуре. После того как навигатор взял другой курс, все в жизни Серегина шло правильно, но как-то наоборот. Единственный сын стал «недорослем». Главное дело, которым должен был заниматься наш герой, – отыскание и поддержка талантов из народа – становится для него «странным» и ненужным: эти «странные люди» «порой прорывались и к нему в кабинет, перехватывали его на выездах. Совали в руки какие-то книги, макеты, проекты…».

Для чиновника такого уровня совсем не важно содержание книги; если он и обращает внимание на книгу, то, пожалуй, преимущественно на ее внешний вид: «Особенно постарался москвич, вручил самые толстые в лакированных обложках».

Именно с внешнего вида начинается приятное знакомство Серегина с молодой, красивой и талантливой поэтессой из глубинки Елизаветой Тениной. Ее красота, манера держаться, добрые отношения с мужем и своими детьми оставили «теплый след» в его сердце. В душе зашевелилось что-то давно забытое, из детства, настоящее, давным-давно ушедшее в небытие, но оставившее «тень» в воспоминаниях. Ему даже вспомнилась история из собственной жизни с «сыном-недорослем», он удивляется: «И как умудряются их так воспитывать?..». Наблюдая за трепетными отношениями родителей с их детьми, Анатолий Иванович вспомнил далекие чувства из своего детства, когда навигатор был еще нормальным: «И тут Серегина обожгло! Так было в жизни Анатолия Ивановича лет двадцать назад. И осталось на фотографии. Вот только альбом семейный не сохранился». Он даже в этот момент сам удивился чему-то неправильному в жизни: талантливая поэтесса из Томской области, приехавшая на фестиваль со всей своей семьей, уедет только с дипломом, ценности которого Серегин уже давно не понимает, а все имеющиеся в распоряжении организатора фестиваля деньги пошли на банкет с высоким начальством.



GPS-навигатор под названием «ирочка» Серегин увидел в руках московского начальника, страдающего «пространственным кретинизмом». Развязка наступает в конце рассказа, когда Анатолий Иванович понимает, что молодая жена ему изменяет где-то в Вене. На ее вопрос о подарке он отвечает: «Навигатор!». Он понял, что все в его жизни сейчас «фальшиво» и «кукольно», как голос молодой жены. Встреча с настоящими людьми и настоящими чувствами помогла ему в этом себе признаться.

Маститый и талантливый писатель Николай Иванович Дронов из рассказа «Премия» уже привык выполнять разные «пафосные» задания: наградить кого-то дипломом, «поработать» председателем жюри. Совершенно случайно жизнь преподносит ему подарок: он знакомится с книгой краеведа Ивана Васильевича Тернового и понимает, что перед ним настоящий талант, самородок. Он уже мечтает с ним познакомиться и насладиться общением, как напиться чистой воды из родника. Однако Иван Васильевич, привыкший к разным проявлениям лжи на подобных мероприятиях, принял порыв Дронова за еще одно из проявлений такой лжи и не согласился на «банкетное» общение с ним: «Лауреат виновато краснел, слушая от чиновников, что те “регулярно читают его книги”».

История знакомства и разговор с Терновым настолько воодушевили ставшего уже, по сути, чиновником талантливого писателя Дронова, что он стал искать выход: ему захотелось чем-то помочь, дать возможность больше писать, издавать такие нужные книги. Но жизнь оказалась «беспросветна», как дождь за окном: «Местное начальство, слушая горячие слова Дронова, только плечами пожимало: мол, и так Тернового поддержали – премию получил».

Мутно, беспросветно и в начале рассказа «Михалыч». Мрачна жизнь Толика: очередной кризис в стране, по телевизору показывают только «грязь и свинство», на работе все надоело, жена дома постоянно пилит. Унылое настроение переносится на серого одноглазого кота, которого он при входе на работу пнул ногой просто так, от злости на весь мир. Погода как бы вторит душевному состоянию Толика.

Толику нужно было в своем дворе поставить ворота, и на помощь пришел Михалыч, пожилой мужчина, всегда старающийся заработать хоть что-то для семьи. Михалыч – простой русский человек, каких очень много вокруг нас. Иногда кажется, что все герои Светланы Макаровой-Гриценко живут рядом с нами, мы их хорошо знаем, встречаемся постоянно, беседуем.

Все меняется с приходом дождя. Михалыч работал даже под дождем: «А то дотемна не управимся…». Состояние Толика меняется вместе с погодой: «Из-за туч ярким снопом выскочило солнце, и все преобразилось, засверкало, усыпанное чистыми, не просохшими после недавнего дождя каплями». Дождь оказался очистительным и для уставшей природы, и для души Толика.

Анна из рассказа «Шнурки для Гошки» очень нравится писателю: ведь рядом с Анной находится еще один важный герой рассказа – природа. И не только природа. Уставшую героиню, которая поздно возвращается с работы, сонно покачивает троллейбус: «Троллейбус сонно покачивало». Анна тоже не безучастна к природе: она часто обращает внимание на ее изменения, пытается своими уставшими глазами что-то в ней разглядеть, угадать, отыскать какие-то тайные знаки. Будь это приметы начинающейся осени или что-то другое: «Анна сидела у окна, смотрела на залитый утренним солнцем город, стараясь разглядеть приметы молодой осени: верхушки пирамидальных тополей уже прочесаны ветром, у проплывающих мимо каштанов жестяно-ржавые лапы, первые астры закачались на клумбах». Природа помогает ей переживать какие-то «непонятные» моменты из жизни: то ли это недопонимание, размолвка с мужем, то ли «мысленные разборки» с ним же, то ли надоевший начальник на работе, то ли повседневные проблемы, от которых никуда не денешься. Наша героиня работает заместителем директора и ведущей разных мероприятий при доме культуры.

Анна – большая умница: ей удается при отсутствии нормального финансирования всей этой деятельности представлять для зрителей в залах потрясающие концерты, организовывать интересные встречи и т.д.: «Трудно провести мероприятие, когда половина штата разбежалась, кружков – кот наплакал, а самый стабильный коллектив – хор ветеранов». Унылая и беспросветная обстановка вокруг накладывает отпечаток и на жизнь Анны: однообразной, скучной и унылой кажется героине ее семейная жизнь.

Казалось, все в жизни и на работе и так уже понятно: по признанию Анны, «рецепт успеха прост: шлягеры, плюс длинные ноги, плюс остроумный конферанс неотразимой ведущей». Однако потом происходит трансформация сознания самой героини. Она начинает понимать, что не знает точного рецепта успешности конкретного концерта.

Очищением, своеобразным катарсисом для нее и для приехавших с большими потерями из Чечни безусых солдат стала исполненная детским хором песня. Причем сначала детям дали время для выступления только для того, чтобы их не обидеть (все думали, что и так много «зажигательных» для зала номеров). В этом рассказе тоже есть дождь, вторящий состоянию героини. Именно после пережитого ею на концерте и осмыслений, пришедших после него, когда гуляла под дождем со своими мыслями о главном в жизни и наконец купила шнурки для сына Гошки, она почувствовала, как «хрупко и серьезно все вокруг». Только теперь Анна как будто увидела, что «в воздухе вокруг витало теплое, чистое, самое трепетное и ранимое». Она явственно поняла, что окна ее квартиры «закрывали темнотой все зло на земле», поняла, насколько ей дороги родные люди и как надо беречь все это.

Особенно символичным, на мой взгляд, в сборнике «Навигатор» является рассказ «СМС». Писатель всегда пишет о природе, когда сопереживает герою, хочет изменить его жизнь к лучшему. В рассказе «СМС» природа как будто живая, улица и здания тоже как будто живые. Природа, весь мир вокруг – тоже главные герои рассказа. Природа как бы посылает человеку свои знаки, хочет подсказать ему что-то, хотя бы посочувствовать: «Корявые липки, высаженные вдоль тротуара, ловили невидимые снежинки и качали голыми ветками вслед проносящимся мимо авто. За деревьями прятались мерцающие бледными окнами новенькие многоэтажки. Словно гигантские великаны, нависали они над Приморским проспектом и растворялись в мутно-сером небе. Было неуютно, сыро, стыло».

Петр Григорьевич Калашников устал уже в жизни от пустой суеты, и после удачно проведенного мероприятия в бизнес-центре, он, как обычно, не стал оставаться на банкет, а захотел просто поскорее отдохнуть: «Сегодня ушел еще раньше, седьмым чувством понимая, что сил бодро “петь” в общем хоре в угоду шефу у него уже нет». По дороге в гостиницу у него начался приступ: «Его скрюченная длинная тень на сыром асфальте выглядела намного внушительнее жалкой фигурки невысокого узкоплечего лохматого человека, почти воробья на жердочке». Калашников застыл от ужаса, когда понял, что ведь его никто не будет искать, и это подтвердили колючие снежинки: «Жесткие невидимые снежинки били по лицу, но Калашников не шевелился. Не от боли, от мысли, справедливой и беспощадной: “Никто не хватится…”».

Калашникову было очень плохо, а «пустая холодная улица равнодушно качала жалкую тень, двигалась с нею вместе, норовя опрокинуть скрюченного человека наземь»; «Двигались тени деревьев». Описания природы, погоды постоянно рядом с нашим героем, даже во время раздумий об Анапе, в которой никогда не был, где сейчас живут самые родные для него люди: «Он никогда не был в этом городе, но подобно знаменитому венецианцу-картографу Фра Муаро, не выходившему из своей мастерской и создавшему потрясающие атласы и карты мира благодаря снам, Калашников “увидел” узкие улочки в колючих “мехах” итальянских сосен, белую анапскую набережную, солнечных рыбок, пляшущих на волнах, темно-зеленые водоросли в прозрачной теплой воде, морщины песка, намытые легким прибоем». Понимая всю безвыходность своего положения, он находит в себе силы даже для юмора или горькой усмешки: «Вот так финал… И случилось в Питере, на пике карьеры».

Калашников добрался до гостиницы, и здесь раздался неожиданный звонок уже взрослого сына из Анапы. Уже после разговора, дежурных фраз, в том числе слов сына об «успешности» разведенных родителей, Калашников вдруг понял, что не успел сказать своему сыну, своему продолжению в этом мире, самое главное. Он отправляет ему через всю страну в Анапу свое СМС: «Сынок, стремясь к большему, очень прошу – не потеряй главное!». Сам Калашников главное в своей жизни уже потерял: нет семьи, почти потеряна связь времен (отец – сын – внуки), нет рядом любимого и дорогого человека. СМС улетело в туманный ноябрь.

Таким образом, можно отметить, что все рассказы Светланы Макаровой-Гриценко посвящены победе нормальных человеческих ценностей в борьбе со злом, невежеством, жаждой наживы и любыми другими отрицательными проявлениями жизни. Она очень правдиво пишет о нашем времени, часто о его безысходности, беспросветности, обмане, обличает убогость сознания некоторых своих героев, а ее прозу можно назвать настоящей картиной жизни современного общества.

Подобная художественная стратегия дает возможность автору демонстрировать свою верность преемственности вечных человеческих ценностей не только в литературе, но и в жизни. Именно в этом состоит система ценностей писателя: семья, связь поколений, гармония души главного героя со всем окружающим, добро, честь, верность, справедливость…

толкал и утолкал в сосняк за поселком». Ветер принимает вид разбойника, злой воли. Новый поворот мотива в описании встречи со Щорсом, когда услышаны значимые для автора слова: «когда человек с кошелкой прошел рядом и, оказавшись к нам спиной, из-за плеча сказал так кротко, что если бы я не расслышал или отмахнуло ветром, это стало бы по-своему невосполнимой потерей, одной из тех, что мы неизвестно для себя терпим на земной дороге». Ветром не отмахнуло – одарило. Так ветер может не только утолкать, а, смирив свою мощь, одарить. Ветер доносит до нас Наташины песни. «Пастухи в смутный осенний день жгут в лугу костер. Он, она, мальчик лет одиннадцати. Дым. Ветер. Котелок на таганке. Стадо у ельника». И в конце рассказа – от ветра трепещет косынка. Вся эта богатая образно-мотивная палитра ветра, живущая своей жизнью в цикле рассказов Антипина, наверно, не подвластна логике, и отражает многое, что может быть осознано и не осознано русской душой, и в свою пору воспринято творческим чутьем писателя.

Мотив памяти и забвенья является центральным в документальной повести Александра Лаптева «Память сердца». Повесть построена на контрасте света и тьмы, добра и зла, созидания и уничтожения, родства и отчуждения от мира. Начало – встреча, разговор в поезде дальнего следования двух попутчиков, молодого аспиранта и старого учителя, директора школы Ильи Фёдоровича Таратина. Главному герою рамочного рассказа двадцать восемь, столько же главному герою внутреннего рассказа. Цепкая молодая память вбирает детали, подробности, судьбы многих людей в толковом и обстоятельном рассказе старого учителя, запечатлевает и запечатывает исповедь до поры до времени в себе. Близким становится случайный человек, домом – купе вагона. Сыновняя ответственность, чувство родства, причастность к тяжелой судьбе незнакомого человека, к судьбе России направляет автора передать услышанное. Продолжение собственной жизни в других – основной мотив повествования. Без этой светоносной рамки страшный рассказ о колымских испытаниях был бы невыносим.

В образе сельского учителя, увлеченного работой, безвинно попавшего в волну репрессий, поражает мужество, терпение, вера в возвращение домой – качества русской души, позволившие вынести нечеловеческие муки. Стремление к семье, к сыновьям – та скрытая сила, которая вынесла человека на поверхность жизни. А прощение, незлобивость дали мудрость и энергию жить, учить детей в школе, утверждать добро вопреки пережитому и чувству неполноправности, отчуждения людей от «врага народа». Возвращение домой оставило свою метку. Та радость встречи, которую берег страдалец многие годы, не получила отклик. «Встреча была не так тепла, как хотелось мне, и как просила моя измученная душа. Я ждал от них сочувствия моему страданию, внимания и душевного тепла. Все одиннадцать лет вдали от родины жена и дети были всегда в моем сердце. Как сегодня помню, когда на меня направили винтовку, – я среди белого дня видел, как передо мною стояли мои мальчики». Но дома – тоже страдали. Последние слова в воспоминаниях старого учителя: «с тех пор болею сердцем», метафора сердечной памяти, переданы молодому слушателю в наследие.

Душевная близость чужих, случайно встретившихся людей, сострадание, сочувствие и любовь к другому, ответственность за прошлое страны, ощущаемое как общая боль, придают документальному повествованию Александра Лаптева свет и надежду. Сыновнее и отеческое чувство к людям, земле, миру – внутренний стержень написанного, главная духовная опора России.

Новые страницы иркутской прозы продолжают традиции русской классики. По-гоголевски звучат слова старухи Краевой: «Я вам, милые, не пешка, а живая душа, и попрошу впредь с етим считаться». От безысходности обращенные в воздух, они в большей степени обращены к самой себе в попытке убедить себя в чем-то главном. Значимо и безлюдье вокруг старухи. О живой душе – рассказы Альберта Гурулёва, Андрея Антипина, повесть Александра Лаптева – ее красоте, умении прощать, дарить себя, продолжаться в мире: людях, песне, слове, взгляде. Вслед за писателем читатель способен увидеть красоту незаметного, неприглядного, забытого, учится любить ее. «Теперь, пожалуй, только сердцем и помянешь их в добрый час, потому что во все века такие, как дядя Веня, были не просто людьми, соседями, земляками, с кем рядом живешь и дышишь, а живой невысказанной правдой, которую в первый раз познаешь на этой земле и учишься любить» *(Андрей Антипин)*.

…Ее не стало, пока я писала. Так подумалось… Но она жила. В осеннем закате обвисла, потускнела. Пыль и грязь стали ее частью. Кольцом обвила железную опору, и, обнимая, держалась своей невесомостью. В одном месте кольцо истончилось до нескольких волокон. И все же какая-то сила берегла в ней будущую жизнь. Это серое что-то, такое невзрачное и невнятное, едва различимое мною рядом, ощущалось теперь родным и близким. Теплея, оно незаметно стало мной.

Что там, за «Перевалом Волкова»?

О новой книге Натальи Мелёхиной

Артём ПОПОВ

«Тётя Шура маялась в ожидании на умытой апрельским дождём автостанции в райцентре. Из-за эпидемии коронавируса транспорт теперь ходил редко…». Так начинается рассказ «Коронованы бедой», открывающий новую книгу вологодского прозаика Натальи Мелёхиной «Перевал Волкова». Реалии двух последних лет, прошедших под знаком беды, отражены в тексте, а значит, уже попали в историю литературы.

Автор – известный продолжатель линии деревенской прозы и в новых рассказах реалистически достоверно описывает жизнь российской глубинки, даёт беспощадный социальный срез, ставит диагноз обществу. *«В октябре Витька привычно засобирался в тюрьму»* – таково первое предложение рассказа «Алиментщики». А ведь это страшно, когда в колонии-поселении выжить сегодня легче, чем в родной деревне! Там работы нет и не предвидится. Но это не чернуха – уж в чём-чём, а в этом автора обвинить трудно.

Рассказы Натальи Мелёхиной отличают добрый юмор и глубокое сочувствие к героям. Особенно к нелепым, чудаковатым, выпадающим из жизни, пьющим часто от безысходности. Троица мужиков с колоритными прозвищами Топотун, Шпиля и Лёха-Трёха (рассказ «Жара под Рождество») живо напомнила пана Зюзю из повести Василия Ивановича Белова «Медовый месяц». Только такого совпадения не надо стесняться, недаром Наталью Мелёхину кто-то давно и уважительно назвал «Беловым в юбке».

Как и лучшим писателям-«деревенщикам», автору «Перевала Волкова» одинаково удаются мужские и женские характеры. Жалостливы образы деревенских старух, будь то Шура из уже названного «Коронованы бедой» или Марья Никитична из рассказа «Муся, Маня и магнит». Как и у беловских и распутинских старух, их судьба тяжела, словно и не было стольких лет «технического прогресса». Но чем горше скорбь, тем ближе к Богу.

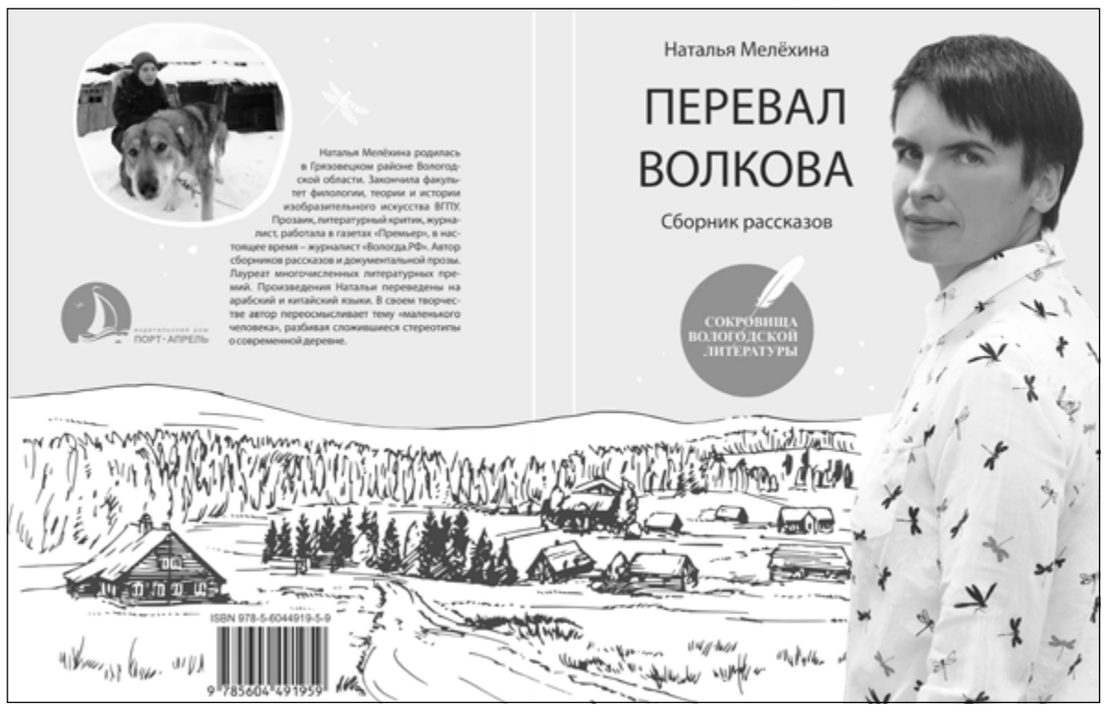
От переживания о непутёвой и нескладной жизни того или иного героя прозы Мелёхиной отдыхаешь на страницах, посвящённых описанию природы. Тут слова имеют поистине терапевтическое воздействие. *«Чёрную сажу размазала ночь над крышей тёти-Ириной избы. В морозном воздухе подрагивал месяц, похожий на надкусанную чёрствую баранку, от времени заплесневевшую до белизны. Крошками по обе стороны рассыпались звёзды. Такая тишина стояла в деревне, что того гляди от неё, как от пронзительного крика, лопнут барабанные перепонки. Что-то тайное, торжественное свершалось в природе, и даже лес вокруг деревни на самом деле не спал, сосредоточенный, как прихожане в церкви, на глубокой и искренней молитве…»* («Жара под Рождество»).

И хочется, чтоб не кончалась строка…

Прозу Мелёхиной можно назвать кинематографичной: прежде всего из-за живых диалогов. Стилизация речи персонажей удивительна, будто слышишь окающую вологодскую речь, незабываемую певучую интонацию: *«Баушка Таня, мОлОкО-От в дОм Отнести? ПОлОрОтОй у нас Игнаха-тО – Оставил Опеть на жаре, банка в летней кухне От утра стОит»* («Дашкины куклы»).

И это так замечательно, что в деревнях, куда проник вездесущий интернет, ещё не умерли диалекты. В рассказах Натальи Мелёхиной на них говорят не только бабушки-дедушки, но и молодёжь, которая продолжает жить в деревнях и сёлах. *Оглашённый, бадог, обрядить, помочи, неругливый* – диалектизмы даются в книге со сносками.Речь деревенских – не городских жителей показывает, что язык наш по-прежнему «великий, могучий, правдивый и свободный».

Однако важно заметить: Наталья Мелёхина не замыкается на деревенской проблематике. Вопрос о взаимоотношении отцов и детей по-своему преломляется автором в рассказе «Весна и смерть Семёнова». А ставшая актуальной – увы! – тема буллинга (простите за чуждое слово!) или травли девочки-подростка развёрнута в «Неуроках физкультуры». Все эти тяжёлые темы раскрываются писателем психологически тонко и точно.



За социальной проблематикой стоит другой, философский уровень обобщения. В упоминавшемся уже рассказе «Коронованы бедой» можно увидеть символику Пути к Дому, а одинокая яблоня на дороге становится древом познания. Об этом библейском сюжете во вступительном слове к книге пишет Мамед Халилов.

О православном измерении рассказов Натальи Мелёхиной прежде написано совсем немного. Между тем в сборнике есть замечательный рассказ «Птица Божья» о молодом герое Артёме, его пути к вере, любви к Богу и своему ближнему. Герои ищут спасения в молитве, как Сашка из «Медведя с заплатой на ухе». Этой молитвой Пресвятой Богородице, кажется, автор через героя просит за всех: *«Всех, всех нас спаси, сохрани и помилуй… и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен»*.

В любом авторском сборнике важна внутренняя композиция, проявляющаяся в виде некоего стержня. Таковым в книге «Перевал Волкова» стали «Дашкины истории» – короткие рассказы о шестилетней девочке, живущей в деревне. Эти во многом автобиографические произведения способны смягчить загрубевшие души современников, залечить раны на сердце. Воспоминания детства греют автора, и это тепло передаётся читателям.

Не станем в коротком анонсе-рецензии раскрывать секрета названия книги, конечно, отсылающего к известной трагедии, произошедшей в конце 1950-х с группой Дятлова. Отметим только, что в рассказе «Перевал Волкова» мистика тоже присутствует. Но пусть читатель сам узнает, что случилось там, на «Перевале Волкова».

Новый сборник подтверждает высокую продуктивность вологодского автора, напомним, ставшего лауреатом премии «Дня литературы» 2020 года в номинации «Молодёжный прорыв». Книга Натальи Мелёхиной открывает серию «Сокровища вологодской литературы», что почётно и в то же время ответственно.

И вот о чём ещё важно сказать в заключение. Писателю сегодня мало только творить – нужно активно высказываться публицистически на «болевые» вопросы, не обходить стороной то, что беспокоит людей. Член Союза писателей России Наталья Мелёхина одна из первых выступила против строительства мусорного мегаполигона вблизи деревни Горбачёво в Великоустюгском районе Вологодской области. Писатель защищает деревню и её жителей не только в прозе, но и в жизни. Поверьте, это дорогого стоит.

г. Северодвинск